

УДК 130.2,82-14

«РУССКИЙ ГНОЗИС» АЛЕКСЕЯ КОЛЧЕВА

© 2017 г.

А.М. Фейгельман

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

artf1986@gmail.com

Поступила в редакцию 05.04.2016

Исследуются онтологические основания поэтики Алексея Колчева, а также ведущие мотивы его творчества. Ключевые черты поэтики Колчева анализируются сквозь призму «эсхатологического горизонта», характерного для мировосприятия и мироощущения поэта. Кроме того, рассматривается проблема подлинности, которую поэт раскрывает в том числе с помощью обращения к гностическому мифу. Проблематизация подлинности художественного высказывания и любого культурного производства связывается в работе со всеобщим движением к смерти, пронизывающим поэтический космос Алексея Колчева. В то же время выявляется возможность преодоления налично-данного состояния бытия, которая в текстах Колчева репрезентируется с помощью особого образного и метафорического инструментария.

Ключевые слова: Алексей Колчев, новейшая поэзия, эсхатологический горизонт, поэтическая онтология, субъект высказывания.

Алексей Колчев (1975–2014) – рязанский поэт, один из виднейших представителей поколения 30-летних в новейшей русской поэзии. Характерно, что своим выдвижением в первый ряд современных поэтов Колчев во многом обязан именно региональному литературному контексту. Во всяком случае, все три его книги вышли в провинции, кроме того, он был частым гостем на региональных поэтических фестивалях. Не был Колчев отделен и от литпроцесса в столицах, где он не только участвовал в «сборных» поэтических мероприятиях, но и активно презентовал свои книги и где ему охотно устраивали сольные вечера. Важность поэзии Колчева для представителей самых различных регионов и поэтических практик подтверждает и длинная череда некрологов, опубликованных на сайте литературтрегерской группы «Культурная инициатива» после скоропостижной смерти поэта в мае 2014 года [1].

Однако именно контекст провинциальной жизни особенно важен для понимания творчества Колчева, его основных тематических и проблемных точек. В частности, этот контекст раскрывает социальные аспекты его поэзии. Впрочем, Колчева вряд ли можно назвать сугубо «социальным» автором: ему абсолютно чужды прямая публицистика и слепое перенесение на бумагу «общественных язв». Социальные мотивы в его текстах выступают вторичными по отношению к их сложной экзистенциальной окраске и, главное, глубокой онтологической основе. Тем не менее слово «русский» в названии данной статьи призвано обозначить именно топос российской провинциальной действительности, в котором Алексей Колчев по преимуществу разворачивает свое высказывание.

Что касается вынесенного в заголовок «гнозиса», то гностический миф – лишь одна из многочисленных призм, сквозь которую Алексей Колчев опосредует, о(т)страняет свое высказывание. Очевидно, что поэтический инструментарий рязанского поэта не ограничивается обращением к гностической оптике. Однако анализ функционирования последней интересен с точки зрения раскрытия онтологических оснований его поэзии, которые во многом влияют в том числе на выбор образного, интонационного, формального и прочего инструментария.

Гностический миф у Колчева – один из способов наметить эсхатологический горизонт, а также очертить проблему подлинности – одну из ключевых для его поэзии. На присутствие эсхатологической перспективы в текстах Колчева справедливо указывает Кирилл Корчагин [2]. Однако вызывает сомнение, что подобный горизонт у Колчева есть лишь опосредованное отражение провинциальной жизни, указывающее на ее «сущностный центр». Скорее, здесь речь идет о более общих бытийных основаниях, к которым, впрочем, поэт мог прийти в том числе через осмысление жизни родной ему Рязани.

Что касается непосредственно гностического мифа, то в наиболее эксплицированном виде он предстает у Колчева в следующем тексте:

каждый вечер
за стеной малосемейки
пьяный сосед
надрывается в караоке
громко сначала
всё монотонней и глуше потом
всегда
мимо нот

он поёт об одном:
«зла немерено»
пока не уснёт

«владимирский централ»
гимн русского гнозиса
повторяемый
как молитва
бывшим слесарем
шестого разряда
ныне свободным пьяницей
вне разрядов и иерархий

мир – тюрьма
как нужна мне
твоя любовь
софия

пока не явятся
мусора
прислужники демиурга
душу живую
забрать
за нарушение общественного
порядка

зла немерено
зла

В этом стихотворении сугубо бытовая, частная сцена является метафорой мироустройства в целом. Гностическая мифология с ее противостоянием земного и небесного здесь трагедизируется, однако автор вполне серьезен. «Общественный порядок» в тексте предстает как порядок мироустройства, вследствие своей испорченности с необходимостью порождающий «зло». Характерный для Колчева персонаж стихотворения – «свободный пьяница вне разрядов и иерархий», то есть маргинал *par excellence* – отвечает этому порядку на языке русского шансона. И здесь появляется мотив утраты подлинности: испорченному миропорядку соответствует «падение» культурных образцов, которые бессильны помочь единичному субъекту перед всеобщностью зла и страдания. Поэтому гностический гимн, обращенный некогда к высшим метафизическим основам бытия, превращается во «Владимирский централ», воплощающий всю пошлость и в то же время суггестивную притягательность массового искусства в его блатном изводе. «Падение» культуры здесь усиливается через мотив искаженного, инерционного копирования – недаром персонаж стихотворения поет свой «гимн» в караоке, безжалостно уродуя и без того не слишком сладкозвучный оригинал.

Характерное для испорченного мира всеобщее движение к смерти нивелирует различия, обесмысливает любые системы координат, превращая существование в абсурдистскую пьесу:

я подарю тебе
на новый год
костюм медсестры
будем играть
в скорую помощь
ставить клизмы
случайным прохожим
лечить
от алкогольной интоксикации
снегирей и синиц
делать уколы
берёзам
воскрешать
раздавленных крыс
мир нуждается
в спасении
от распада
давай играть
в скорую помощь
скорее

Распадающийся мир Алексея Колчева часто безжалостен к населяющим его людям. Однако вряд ли этот мир следует интерпретировать через образ зомби, как это делает в уже упоминавшийся работе Кирилл Корчагин [2]. Девальвация культурных смыслов, их смешение в аморфную знаковую кашу не отменяют ценности единичного экзистенциального опыта – пусть даже на фоне рушащихся природных и культурных декораций.

В наиболее простой и в то же время, на наш взгляд, вполне адекватной интерпретации зомби – это отчужденный образ масс, лишенных индивидуальности и существующих согласно единому, нивелирующему различия принципу (например, так же как зомби стремятся лишь к насыщению, так и условный «массовый человек» может мечтать лишь о непрерывном и все возрастающем потреблении). Однако персонажи Колчева в своем страдании, в своей немощи и бессилии и даже в своей глупости и бескультурии более чем индивидуальны, а сам автор, очевидно, относится к ним с сочувствием (хотя и не всегда высказываемым прямолинейно). Поэтому совершенно справедливы слова Виталия Лехциера о том, что поэзия Колчева «искренне этична» [3, с. 86–87] по отношению к своим персонажам:

красивый старик человекский
сын юриста
попрошайничает
около рынка

будний день
 подают мало
 гораздо выгоднее
 быть калекой
 или собирать на храм
 чем по вечерам
 наслаждаться библиотекой
 с никому не нужными классиками
 марксизма
 романтизма
 реализма
 и примкнувшими к ним
 прогрессивными зарубежными авторами

Обратим внимание, что здесь Колчев снова фиксирует капитуляцию «высокой» культуры перед сугубо приземленными нуждами и бедами. Иерархия такой культуры представляется ложной на фоне не вмещающегося в художественное высказывание травматического опыта, который в поэзии Колчева неизменно соотносится с эсхатологическим горизонтом, горизонтом смерти. Последний подвергает различные типы высказывания нивелировке, сравнимой с нивелировкой, которой их подвергает идеологический дискурс (в данном случае дискурс советского официоза). Но если насильственному уравниванию в рамках идеологии можно противопоставить альтернативную точку зрения (хотя бы альтернативную идеологию), то нивелирующее воздействие всеобщего движения к смерти в стихах Колчева на первый взгляд не имеет противоположного, восстанавливающего различия полюса.

Возвращаясь к колчевским персонажам, стоит отметить, что маргинальное положение – далеко не главная отличающая их черта. Для поэта важнее мотив старения и нехватки витальности и в конечном счете смертности всего живого. Персонажи, воплощающие этот мотив (старики, инвалиды, просто больные или несчастные люди), в его текстах четко противопоставляются героям, воплощающим витальность, прежде всего, детям:

гнилой арбуз как сдувшийся футбольный мяч
 валяется возле помойки
 мальчишки по двору гоняют настоящий мяч
 шумны и бойки
 в коляске сидя за игрой внимательно следит
 сосед безногий
 он на заводе слесарем работал до седины
 и вот теперь безногий
 он песни жалостные спьяну любит петь
 надтреснутый баян перебирая
 а мог бы с кружкой возле рынка на углу сидеть
 деньжата собирая

Это стихотворение, как и некоторые другие подобные тексты Колчева, призвано дать вектор, который указывает направление движения всякой жизни – и это движение к смерти, движение за край того самого эсхатологического горизонта, о котором уже упоминалось выше. Гнилой арбуз, выброшенный на помойку, очевидным образом перекликается здесь с «выброшенным на обочину жизни» инвалидом. Мучительную бессмысленность его существования, отсутствие в нем какой-либо альтернативы Колчев подчеркивает с помощью нарочито простых глагольных и тавтологических рифм. Через образ мяча-арбуза инвалид связывается с играющими недалеко от него детьми, которых тоже может коснуться характерное для всего живого движение к смерти. Другими словами, автор прозрачно намекает на то, что в будущем они могут разделить судьбу калеки.

В ситуации утраты подлинности и всеобщности «бытия-к-смерти» поэтическое высказывание становится уязвимым и как бы заранее дискредитированным. Колчев выходит из положения, включая эту уязвимость и дискредитированность в само пространство своих текстов, таким образом проблематизируя высказывание внутри самого высказывания:

слова
 отданные
 в аскезу
 пишу со строчной
 словно железом
 веду по стеклу
 или стеклом
 по железу
 жизни неточной
 воздавая хвалу
 или хулу
 жизни непрочной
 человеку
 зверю
 и лесу
 смертью поточной
 уносимым
 утягиваемым во мглу

«Аскезу» здесь можно трактовать как отказ от традиционно-ярких выразительных средств, пафоса, попыток строить свою метафизику прямо и догматически. Вместо этого поэт выбирает отстраненность и неоднозначность, которые позволяют ему ухватить реальность в ее основах. И основы эти вновь связываются с победой Танатоса на всех уровнях видимого бытия. Неудивительно, что такой взгляд требует стоической и в чем-то жесткой, ранящей самого

говорящего позиции: «словно железом /веду по стеклу /или стеклом/ по железу».

В то же время упомянутая отстраненность относительна и диалектически связывается с вовлеченностью поэта в описываемую им реальность. Другими словами, отстраненность необходима для выстраивания высказывания, но, прежде чем высказывание состоится, поэт должен сам прочувствовать боль окружающих людей, боль самого бытия, подверженного страданию и смерти. Герой стихотворения «Одиссей», «румяный летописец», делая репортаж о племени опустившихся лестригонов, в то же время «не рискует приблизиться» к ним. Лирический субъект Колчева, напротив, часто буквально растворяется в окружающем его пейзаже и людях, которые этот пейзаж населяют:

выходит пригов в зимний двор
там воробей клюёт рябину
и тут такая жажда твор
ить и еть толкает в спину

и сам он как бы воробей
да в общем и рябина тоже
собой подобен хоть убей
простому русскому серёже

который как бы сын полка
а между тем дитя народа
без языка без языка
на что ему тогда свобода

и нечто страшное кричит

Условный «пригов» в приведенном стихотворении – это, вполне вероятно, обозначение фигуры поэта, вынужденного в современной ситуации примеривать те или иные маски в процессе высказывания. Обратим внимание на связанность творчества («творить») и телесности («еть»). Таким образом, снова подчеркивается зависимость поэзии от природного начала, а значит, и онтологического контекста всеобщего умирания. Но лишь актуализация этой трагической связи позволяет «пригову» (и вместе с ним лирическому субъекту) добиться вовлеченности в окружающее его пространство, а значит, и добыть себе право на поэтическое высказывание. Поэт здесь отдает свой голос тому, кто сам о себе сказать не может («без языка без языка»): людям, животным, природе, в конце концов, самому бытию. Но парадоксальным образом, выйдя на территорию высказывания, лирический субъект лишь «нечто страшное кричит», другими словами, тут же указывает на его (высказывания) невозможность и даже бессмыс-

ленность. Обретя с помощью поэта голос, бытие может лишь сигнализировать о своем собственном ужасе, но не о смысле.

Несмотря на обращение к концептуалистскому контексту, Колчев отчасти идет дальше его представителей: в центре его внимания не исчерпанность любого высказывания, не фатальная зависимость любого дискурса от иерархии и властных устремлений, но обесмысливание любого культурного творчества на фоне эсхатологического горизонта. Таким образом, экзистенциальная, онтологическая установка Колчева во многом диктует основные эстетические координаты его поэзии.

«Поэтика Алексея Колчева – это поэтика смысловых скачков и событийных поворотов в заведомо ужасающем и зачастую безысходном мире, существование в котором стремится к надличностному (подступающему к метафизике) компоненту как к спасению», – отмечает А. Порвин [1]. Действительно, несмотря на свою мрачную оптику, Колчев в своих текстах нередко оставляет намеки на возможность преодоления налично-данного, «смертельного» состояния бытия. Эта возможность у него обычно заключается в акте трансценденции, который призван хотя бы нащупать дорогу за пределы обреченной реальности. И даже если взгляд поэта цепляет нечто подлинное (и поэтому едва уловимое) в пределах «страшного мира», то это подлинное все равно указывает куда-то за его (мира) горизонт. Обычно в текстах Колчева таким указанием служат птички и/или энтомологические образы и метафоры. При этом сама способность к трансценденции в его текстах нередко растет из нехватки, из ощущения «поврежденности» и мира вокруг, и, главное, самого себя:

старый «урал» с коляской
в дальнем гниёт гараже
он для езды нетряской
не пригодится уже

вчуже обойденный лаской
бойным железом не ляскай
виждь сквозь прорешку в душе

столбик покрашенный краской
прудик подёрнутый ряской
женщину с детской коляской
ласточку на вираже

Однако взгляд за край мироздания чреват не только надеждой, но и страхом перед неизвестностью и новой бессмысленностью и страданием. В ситуации исчерпанности культуры поэту

остается лишь вслепую «ощупывать» обломки прежней метафизики, гадая, под которыми из них может скрываться истина:

истекая потом потом
словно бабочка в окно
мы заглядываем что там
скушно страшно ли смешно

члены ль райского райкома
голосуют незнакомо
голосуют в очи ссут
вот тебя они спасут
что там сахар дырка кома
или впрямь – последний суд

Поэтическое мировосприятие Алексея Колчева трагично, но не лишено надежды. Контуры последней тем не менее очерчиваются почти всегда негативно, через противопоставление налично-данной реальности (социальной, экзистенциальной, онтологической). Преодоление «смертного» состояния бытия видится поэту как трансцендентное устремление, конечная цель которого ускользает от любого названия, любой тождественности с теми или иными готовыми ответами. В такой ситуации сама возможность выхода за пределы налично-данного бытия становится проблематичной, нуждающейся в постоянной критической рефлексии со стороны субъекта высказывания.

В этом смысле во многом ключевой видится колчевская критика культуры как формы секулярного спасения, как формы эстетического знания, автоматически возвышающего человека и делающего его причастным к истине. Плоть от плоти непрерывно распадающегося мира, искусство лишь фиксирует раскол и отчуждение внутри субъекта, социума, бытия. Искусство бессильно помочь человеку перед лицом негативного опыта, а в сером, нивелирующем свете эсхатологической перспективы оно теряет ауру подлинности.

Однако и здесь поэт оставляет зазор, лауну, существование которой заставляет скорректировать сугубо критический взгляд на эстетиче-

скую реальность. Маркером такого негативного пространства становится имя Мандельштама:

в той квартире варят винт варят винт
там хозяин по виду – бурят
карта мира из двух половин
а над ними дельтапланы парят

а над ними самолёты а там
выше космоса и света и тьмы
карандашик свой забыл мандельштам
но об этом не знаем мы

Что же это за неназываемое «там», поднимающееся над противоречиями расколотого мира? Мандельштамовский «карандашик», вполне возможно, связан с ментоловым карандашом для натирания висков из стихотворения классика. Но даже в этом случае неизбежно заигрывается семантика письма, проблематизируется высказывание. При этом перед нами возникает не фигура поэта, не поэзия как таковая, но намек на ее возможность, будто по счастливому недоразумению оставшийся нам от предыдущей эпохи. Намек на высказывание, преодолевающее отчуждение внутри распадающейся реальности. Впрочем, словно спохватившись, автор делает шаг назад («но об этом не знаем мы»), однако от этого стихотворение только выигрывает: момент рефлексии выводит его метафизику из-под удара прямого высказывания. И здесь Алексей Колчев остается современным поэтом в лучшем смысле этого слова, то есть поэтом, для которого «вопрос о бытии» неотделим от вопроса о самой возможности поэтической речи.

Список литературы

1. Памяти Алексея Колчева [Электронный ресурс] // Культурная инициатива. Режим доступа: <http://kultinfo.ru/novosti/1621/> (дата обращения: 19.09.2015).
2. Корчагин К. Дивизия зомби и «дикое» бытие [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2014. № 5. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/5464> (дата обращения: 15.11.2015).
3. Лехциер В. «...за вечные млечные гречные муки» (о новой книге Алексея Колчева) // Лубок к родине / Предисл. В. Бородина; послесл. В. Лехциера. Самара, 2013. С. 85–87.

ALXEI KOLCHEV'S RUSSIAN GNOSIS

A.M. Feigelman

The ontological foundation of Alexei Kolchev's poetics, as well as the main motifs of his work are examined. Key features of Kolchev's poetics are analyzed through the prism of «eschatological horizon», which is typical of the poet's worldview and attitude to the world. The article is focused on the problem of authenticity, which the poet also reveals by referring to the Gnostic myth. The problematization of authenticity of artistic expression and any cultural production is linked with the general movement toward death, which permeates the poetic space of Alexei Kolchev. At the same time, we reveal the possibility to overcome the extant given state of being, which is represented in the texts of Kolchev by using special figurative and metaphorical tools.

Keywords: Alexei Kolchev, eschatological horizon, contemporary poetry, poetical ontology, subject of the statement.

References

1. Pamyati Alekseya Kolcheva [Elektronnyj resurs] // Kul'turnaya iniciativa. Rezhim dostupa: <http://kultinfo.ru/novosti/1621/> (data obrashcheniya: 19.09.2015).
2. Korchagin K. Diviziya zombi i «dikoe» bytie [Elektronnyj resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. № 5. Rezhim dostupa: <http://www.nlobooks.ru/node/5464> (data obrashcheniya: 15.11.2015).
3. Lekhcier V. «...za vechnye mlechnye grechnye muki» (o novej knige Alekseya Kolcheva) // Lubok k rodine / Predisl. V. Borodina; poslesl. V. Lekhciera. Samara, 2013. S. 85–87.